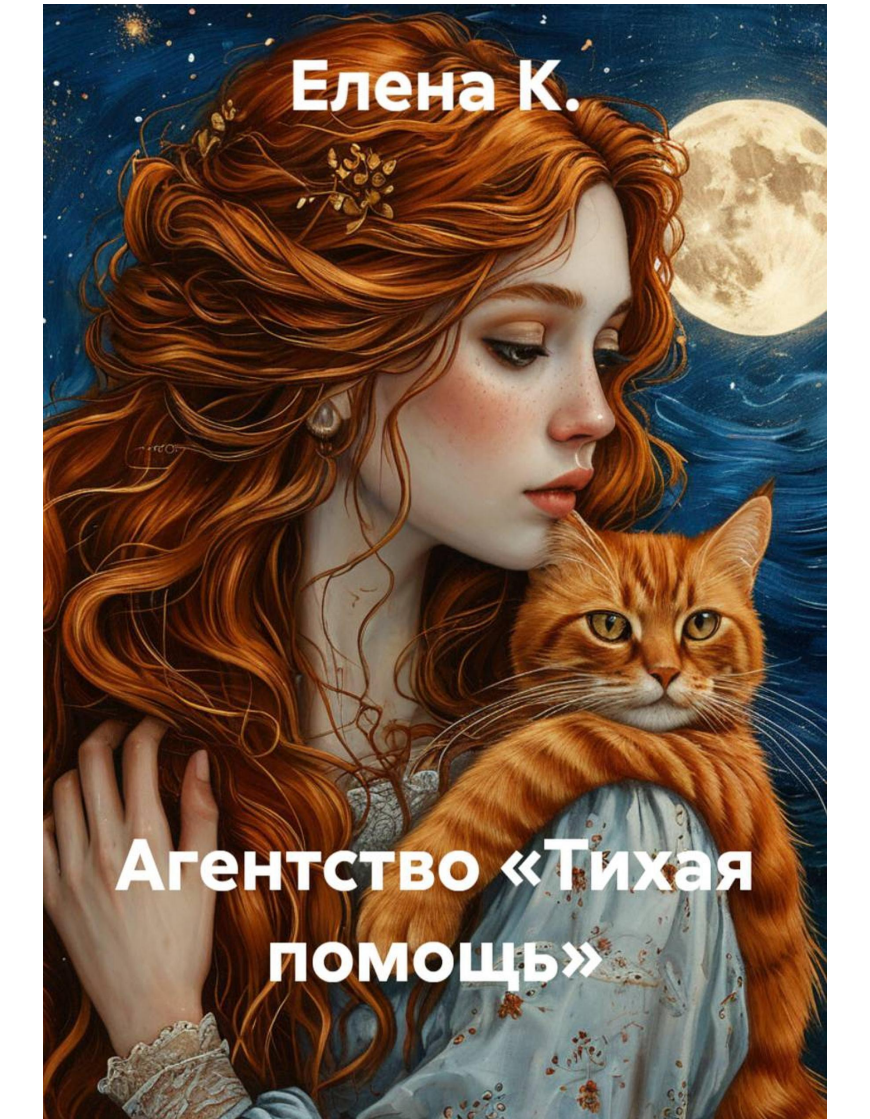

Елена К.

**Агентство «Тихая
ПОМОЩЬ»**

Елена К.

Агентство «Тихая помощь»

<https://litres.ru/74415644>

SelfPub; 2026

Аннотация

В маленьком агентстве «Тихая помощь» чинят не вещи — чинят право быть услышанным.

Марина — хозяйка агентства — уверена: вещи не ломаются, они заговаривают. Лера вешает на стойке нитки с крошечными зеркальцами и шестерёнками, потому что «иногда самое важное — не дойти куда-то, а остаться там, где нужно». И они с Мариной добрые ведьмы на полставки. А кот — он просто кот. Ну, как «просто кот» — он главный эксперт по эмпатии, философии сна и целесообразности ранних подъёмов, и если благодарность не выражается едой, он её не одобряет. Он её принимает. Это разные вещи.

Эта книга — не про магию. Она про то, как важно, чтобы кто-то сказал: «Я вижу тебя». Даже если ты — всего лишь стена. Или зонт. Или маленькая яблонька, пробившаяся сквозь бетон.

А все совпадения случайны. На все сто двадцать процентов.

Читать перед сном. Или перед сложным разговором. Или просто когда нужно, чтобы кто-то шепнул: «Не торопись уходить».

Содержание

Глава о совпадениях	4
Глава 1. Заказ 17 с которого все началось: «Сделайте так, чтобы никто не заметил»	6
Глава 2. Заказ 18: «Только без спецэффектов»	10
Глава 3. Заказ 19: «Пусть он хотя бы врёт убедительно»	16
Глава 4. Заказ 20: «Он просто очень ответственный»	24
Глава 5. Адреса, которые шепчут правду	30
Глава 6. Битва за тишину	38
Глава 7. Заказ 21: «Пианино помнит, но не умеет»	45
Глава 8. Заказ 22: «Та, что молчала»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена К.

Агентство «Тихая помощь»

Глава о совпадениях

От меня с улыбкой, но без лишней скромности)Все совпадения в этой книге — абсолютно случайны. Ну, то есть настолько случайны, что даже кот в «Тихой помощи» делает вид, будто он тут ни при чём. Хотя, если честно, подозреваю, что именно он и подбрасывал мне идеи по ночам — прямо на клавиатуру. А что, у него лапа широкая, мог и «Ctrl+V» случайно нажать. Любые сходства с реальными людьми, вещами, стенами, будильниками, чашками, дверями, зонтами, кроссовками, яблоньками и прочими существами, которые просто хотели, чтобы их заметили, — чистая случайность. И если вдруг вы узнали в героине с зеркалом себя... ну, это не потому, что я за вами подглядывала. Просто у всех нас есть такие зеркала. И такие дни. И такие фразы, которые хочется прошептать: «Я устала, но я не сломана». Если же вы вдруг узнали себя в коте — примите мои искренние поздравления: у вас отличный вкус, железная выдержка и способность извлекать пользу из любой ситуации, особенно если в ней есть еда). А если вы узнали себя в чашке, которая не

обжигает, или в часах, которые замедляют ход, когда всё летит в тартарары, или в двери, которая тихо шепчет: «Не торопись уходить», — знайте: это не про вас. Это про всех нас. Просто я облекла это в слова. Ну и ещё немножко в магию, потому что без магии в таких историях никак. А магия, как известно, любит притворяться случайностью. Так что да: все совпадения случайны. Абсолютно. Стопроцентно. На все сто двадцать процентов, потому что иногда случайность бывает особенно настойчивой). Но если эта книга вдруг обняла вас в тот момент, когда вам очень нужна была тишина, — значит, не такая уж это и случайность. Значит, где-то во вселенной есть невидимая нить, которая связывает тех, кто устал быть просто вещью, с теми, кто готов их услышать. Даже если для этого приходится открыть дверь в агентство, где чинят не поломки, а право быть замеченным. И если после этих страниц вам стало чуть теплее — пусть даже просто от того, что кто-то понял, как тяжело бывает держать чашку дрожащими руками, — значит, вся эта «случайность» была не зря. С любовью, ваша Елена К., которая очень надеется, что кот не прочтает это и не решит, что теперь ему точно положен двойной паштет.)))

Глава 1. Заказ 17 с которого все началось: «Сделайте так, чтобы никто не заметил»

Агентство «Тихая помощь» располагалось между цветочной лавкой, где вечно вяли даже кактусы, и суши-баром, который гордо именовал себя «японским бистро», хотя в меню был ролл «Калифорния с крабовой палочкой и майонезом». Вывеска над дверью была скромной: буквы слегка мерцали, будто сомневались, стоит ли вообще светиться.

Внутри пахло лавандой, старым деревом и чем-то подозрительно похожим на подгоревшую овсянку. На стене висели таблички: «Не трогать метлу — она кусается», «Чай заваривает только Марина», «Если кот смотрит на вас с осуждением — вы что-то сделали не так».

За стойкой сидела Марина — ведьма с двадцатилетним стажем и взглядом, который одним движением бровей мог заставить замолчать даже сквозняк. Перед ней лежала стопка карточек с заказами, а рядом, на специальной подставке, стояла чашка, из которой поднимался пар цвета индиго.

— Лера, — не поднимая глаз, сказала Марина, — ты сегодня не дышишь. Это тревожный знак. Либо ты слишком стараешься, либо уже наколдовала что-то, чего сама не заметила.

Лера вздрогнула и втянула воздух так громко, что кот, дремавший на шкафу, приоткрыл один глаз и посмотрел на неё с профессиональным скепсисом.

— Я дышу, — поспешно сказала Лера. — Просто... пытаюсь делать это тихо. Чтобы не мешать магии.

Марина наконец подняла взгляд.

— Магия не любит, когда её пытаются «не мешать». Она вообще не любит, когда с ней разговаривают в повелительном наклонении.

Лера сжала в пальцах крошечный амулет-пуговку. На карточке значилось: «Снять сглаз с кофемашины. Желательно, чтобы никто не заметил».

— А что значит «никто не заметит»? — тихо спросила Лера. — Если магия сработает, кофемашина перестанет рычать и выплёвывать пену фиолетового цвета. Это уже будет заметно.

— Вот именно, — спокойно сказала Марина. — Задача не в том, чтобы магия не сработала. Задача — чтобы никто не понял, что это была магия.

Кот фыркнул, будто хотел добавить: «А это, детка, высший пилотаж».

Лера подошла к кофемашине, которая сейчас выглядела как обиженный бегемот в хромированной шкуре. На корпусе темнели странные разводы, будто кто-то пытался вывести на металле руны губной помадой.

— Кто вообще мог её сглазить? — пробормотала Лера.

— Администратор кафе, — невозмутимо ответила Марина. — У него был конфликт с баристой. Бариста — с поставщиком молока. Поставщик молока — с жизнью. В итоге кофемашина стала точкой пересечения всех обид района.

Лера глубоко вздохнула, закрыла глаза и прошептала нужные слова. Амулет в её пальцах потеплел, потом слегка ущипнул её за подушечку большого пальца — видимо, тоже выражал скепсис.

Кофемашина вздохнула. Из носика вырвался фиолетовый пар, закрутился спиралью, на секунду принял форму сердитого лица и рассеялся.

— Ну вот, — сказала Лера, открывая глаза. — Опять.

Марина посмотрела на пар, потом на Леру, потом на кота, словно ожидая от него комментария. Кот демонстративно начал вылизывать лапу.

— Зато никто не скажет, что ты работаешь без огонька, — заметила Марина. — Теперь сделай так, чтобы следующий раз был без цвета. Или хотя бы без формы лица.

В этот момент дверь агентства распахнулась, и на пороге появилась женщина в пальто цвета мокрого асфальта. В руках она держала коробку, из которой доносилось тихое, но настойчивое дребезжание.

— У меня тут люстра, — сказала женщина, оглядывая помещение так, будто ожидала, что стены вот-вот начнут шевелиться. — Она сама по себе включается. И поёт.

Марина медленно поставила чашку.

— Поёт?

— Да. Не словами. Просто звук такой... вибрирующий. Как будто она хочет нам что-то сказать.

Кот перестал вылизываться и уставился на коробку с живым интересом.

— Это уже не бытовой сглаз, — тихо сказала Марина. — Это заявка на полноценный магический инцидент.

Лера посмотрела на кофемашину, которая теперь тихонько гудела, будто подслушивала. И вдруг поняла: её стажировка только что перестала быть уютной.

— И что теперь? — спросила она.

Марина встала, поправила свитер и взяла со стола блокнот с обложкой, на которой поблёскивали выцветшие руны.

— Теперь мы принимаем заказ, — спокойно сказала она. — И делаем так, чтобы люстра перестала петь. Но чтобы никто не понял, что мы вообще что-то делали.

Женщина в пальто нервно сжала ручки коробки.

— Вы правда можете?

Марина улыбнулась — так, что стало ясно: она привыкла к вещам, которые поют, и не собирается из-за этого терять самообладание.

— Мы в «Тихой помощи» можем почти всё, — сказала она. — Главное — чтобы это осталось тихим.

Глава 2. Заказ 18: «Только без спецэффектов»

Утро в «Тихой помощи» началось с того, что метла, которую строго-настрого запрещалось трогать, сама выкатилась из угла и аккуратно подмела крошки у порога — а потом вернулась на место с видом «я тут ни при чём». Лера покосилась на неё, вздохнула и взялась за швабру: если уж магия решила поиграть в хозяйственность, пусть хотя бы делает это незаметно.

Марина сидела за стойкой и хмуро изучала листовку. На глянцевой бумаге красовался логотип в виде стилизованного вихря и надпись: «Громкая магия: решаем проблемы громко, быстро, заметно!» Под ней — перечень услуг: «Снятие порчи с эффектом фейерверка», «Чистка ауры с музыкальным сопровождением», «Гарантия: соседи узнают о вашем успехе первыми».

— Это они расклеили по всему району, — буркнула Марина, подцепив листовку кончиком пальца, будто боялась, что она начнёт громко рекламировать себя прямо в агентстве. — Вчера у подъезда висела. Сегодня уже на витрине цветочной лавки. Как будто кто-то ходит и специально портит нам репутацию «тихих».

Кот, устроившийся на стопке старых справочников по бы-

товой магии, фыркнул: мол, «тихие» и так еле сводят концы с концами, а теперь ещё и конкуренция с пиротехникой.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась та самая женщина в пальто цвета мокрого асфальта. В руках она держала не коробку, а теперь уже саму люстру — в чехле, из-под которого доносилось тихое, но настойчивое гудение, переходящее в едва уловимую трель.

— Она снова поёт, — сказала женщина, глядя на всех сразу и ни на кого конкретно. — И теперь мне кажется, что это колыбельная. Очень тревожная колыбельная.

Лера покосилась на люстру, потом на Марину, будто спрашивая взглядом: «А мы точно можем сделать это тихо?»

Марина аккуратно отодвинула листовку «Громкой магии» в сторону, словно прятала улику.

— Мы можем, — спокойно сказала она. — Но сначала нужно понять, почему она поёт. Магия не устраивает концерты просто так.

Женщина нервно поправила шарф.

— Я думала, это из-за ремонта. Или из-за того, что я купила её на распродаже. Там было написано: «Винтаж, характер, история». Я не думала, что история будет петь.

Кот прыгнул со стопки книг, подошёл к люстре и сел напротив, уставившись на чехол так, будто собирался провести с ней сеанс психотерапии.

— Дело не в ремонте, — сказала Марина, наклоняясь ближе. — И не в распродаже. Люстры не поют от плохого каче-

ства сборки. Они поют, когда в них застряло чьё-то воспоминание.

Лера замерла с шваброй в руках.

— То есть... это не проклятие? Это память?

— Проклятие — это когда кто-то намеренно портит жизнь, — пояснила Марина. — А это... эхо. Кто-то когда-то стоял под этой люстрой и пел ту самую колыбельную. И она запомнила. Теперь пытается её воспроизводить. И если мы просто заглушим звук, мы можем стереть и само воспоминание. А это уже не «тихо помочь», это уже «украсть чью-то историю».

Женщина побледнела.

— Но я не хочу стирать чужую историю! Я просто хочу, чтобы она не будила меня в три ночи тревожной мелодией...

В этот момент в дверь снова постучали — но не просто постучали, а так, что стёкла в витрине звякнули, а метла снова нервно дёрнулась в углу. На пороге стоял молодой человек в кожаной куртке, с яркой нашивкой «Громкая магия — мы делаем красиво!». В руках он держал коробку с логотипом, который слегка искрил.

— Привет, коллеги! — бодро сказал он, не дожидаясь приглашения. — Или правильнее сказать, конкуренты? Мы тут проводим акцию: «Первый заказ бесплатно, второй — со скидкой, третий — с фейерверком!» Хотите попробовать? У нас есть специалист по люстрам, который может заставить её замолчать так, что об этом напишут в районной газете.

Кот посмотрел на него так, будто уже мысленно снял с него три слоя ауры и остался недоволен результатом.

Марина не шелохнулась.

— Спасибо, — ровно сказала она. — У нас свои методы.

Парень чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к гулу люстры.

— А у вас тут, похоже, не просто случай. Вибрации сильные. Если хотите, можем объединить усилия. У нас технологии, у вас... опыт.

— У нас принцип, — всё так же спокойно ответила Марина. — Мы не делаем магию на публику.

Парень пожал плечами, но уходить не спешил.

— Ну, как знаете. Но если передумаете — вот визитка. На ней даже голограмма есть.

Он положил на стойку карточку, которая тут же попыталась сверкнуть, но Марина накрыла её ладонью, и голограмма послушно погасла.

Когда дверь за ним закрылась, в комнате стало тише — но не намного. Люстра продолжала тихо напевать свою тревожную мелодию.

— Ладно, — сказала Марина, снимая свитер и закатывая рукава. — Раз уж нам нельзя стирать воспоминания, будем перенастраивать. Лера, достань шкатулку с нитками для памяти. Нам нужно не выключить звук, а... переплести его. Сделать так, чтобы он звучал не как тревога, а как уют.

Лера метнулась к шкафу, где среди банок с сушёной ла-

вандой и коробочек с непонятными кристаллами стояла маленькая деревянная шкатулка с выцветшими узорами. Внутри лежали мотки ниток разных цветов: тёплые бежевые, спокойные серые, один моток глубокого синего — для самых тяжёлых воспоминаний.

— И ещё, — добавила Марина, уже доставая тонкую иглу с перламутровым ушком, — нам нужно понять, чьё это воспоминание. Потому что если мы начнём плести, не зная контекста, можем случайно превратить колыбельную в марш.

Женщина, всё ещё державшая люстру, вдруг тихо сказала: — Когда я покупала её, продавец сказал... что она принадлежала пожилой женщине. Та жила одна и каждый вечер включала свет, чтобы ей не было так одиноко. И пела себе под нос. Может, это её голос?

Марина на секунду замерла — и в этом молчании было больше понимания, чем в любых словах.

— Тогда тем более нельзя просто заглушить, — мягко сказала она. — Нужно сделать так, чтобы свет и звук стали не тревожными, а тёплыми. Чтобы эта женщина, где бы она сейчас ни была, знала: её колыбельная всё ещё кому-то нужна.

Кот подошёл к люстре, сел рядом и, к всеобщему удивлению, тихо мурлыкнул — так, что его мурчание совпало по тону с трелью люстры. И на мгновение звук стал... чуть спокойнее.

— Видишь? — сказала Марина Лере. — Даже кот знает:

иногда достаточно просто посидеть рядом.

Лера улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается странное тепло — и не только от магии.

— Я поняла, — сказала она. — Мы не будем стирать. Мы будем... убаюкивать.

Глава 3. Заказ 19: «Пусть он хотя бы врёт убедительно»

К полудню в «Тихой помощи» стало шумно — но не от магии, а от спора, который доносился из суши-бара по соседству. Там администратор доказывал доставщику, что ролл «Калифорния с майонезом» — это не ошибка, а «авторская интерпретация». Лера покосилась на стену, будто надеялась, что сквозь неё просочится здравый смысл, и вернулась к шкатулке с нитками для памяти. Люстра теперь звучала не тревожно, а как будто кто-то очень осторожно напевал что-то тёплое в соседней комнате.

— Главное, не затягивай узлы слишком сильно, — сказала Марина, стоя над Леркой с видом полководца, который одновременно гордится и боится, что новобранец случайно поднимет восстание. — Память — это не верёвка для белья. Её нельзя вешать туго.

Лера кивнула, стараясь не дрожать пальцами.

— А если она снова начнёт петь марш?

— Тогда мы скажем, что это был арт-объект, — невозмутимо ответила Марина. — Но лучше не надо.

Кот, который после вчерашнего сеанса «мурлыкательной терапии» вёл себя так, будто теперь он главный консультант по акустической магии, лениво потянулся и уставился на

дверь. И не зря: через секунду та распахнулась с такой силой, что табличка «Не трогать метлу» нервно звякнула.

На пороге стояла девушка лет двадцати пяти, в пальто, на котором висело столько брелоков, что оно, казалось, звенело даже в тишине. В руках она держала будильник. Не обычный, а старинный, с двумя колокольчиками и циферблатом, который смотрел на мир с выражением «я всё знаю, и мне это не нравится».

— Он каждое утро говорит пророчества, — выпалила девушка, не здороваясь. — И самое ужасное, что они сбываются! Вчера он сказал: «День будет полон неожиданностей, и ты уронишь кофе на клавиатуру». Я даже не планировала пить кофе! Но потом зашла в кофейню, потому что он сказал, и... ну, вы поняли.

Лера осторожно покосилась на будильник. Колокольчики слегка звякнули, будто подтверждали: «Да, я такой».

Марина вздохнула так, что даже кот понял: сейчас начнётся серьёзный разговор.

— То есть проблема не в том, что он предсказывает, — уточнила Марина. — Проблема в том, что ты начинаешь действовать из-за предсказания, и оно сбывается. Это самосбывающееся пророчество. Старая магическая ловушка.

Девушка уставилась на неё.

— Вы что, это часто видите?

— У нас тут район такой, — спокойно сказала Марина. — Магия любит цепляться за привычки. А привычка верить в

плохие новости — самая цепкая.

Будильник звякнул ещё раз и тихо, но отчётливо произнёс скрипучим голосом:

— «Сегодня кто-то узнает правду, которую долго скрывал».

В комнате повисла пауза. Кот медленно перевёл взгляд с будильника на Марину.

— Ну вот, — пробормотала Лера. — А я хотела просто доплести узор на люстре.

Марина покачала головой, взяла будильник, повертела его в руках и вдруг посмотрела на девушку чуть мягче:

— Мы можем сделать так, чтобы он перестал предсказывать. Но тогда он станет обычным будильником. Без магии. Вы этого хотите?

Девушка прикусила губу.

— Честно? Я не знаю. С одной стороны, я хочу, чтобы он молчал. С другой... иногда он говорит что-то хорошее. Например, вчера, перед тем как про кофе, он сказал: «Сегодня ты встретишь кого-то, кто поймёт тебя без слов». И я встретила. Бабушку в очереди. Она просто молча дала мне салфетку, когда я плакала. И это было... важно.

Марина кивнула, будто услышала не про будильник, а про что-то гораздо большее.

— Тогда не будем стирать магию, — тихо сказала она. — Сделаем её тише. Пусть он не диктует день, а просто шепчет варианты. Как будто предлагает: «Может, будет вот так. А

может, и нет».

Лера посмотрела на наставницу и вдруг вспомнила, как в детстве бабушка шептала над её снами, чтобы плохие не сбывались, а хорошие — задерживались подольше. Тогда это казалось просто бабушкиными словами. Теперь она поняла. Это была своя, тихая магия.

— Я могу помочь, — неожиданно для себя сказала Лера. — Если мы возьмём тонкую нить, почти прозрачную, и пропустим её через механизм, не трогая шестерёнки... тогда предсказания станут не судьбой, а просто мыслями. Как будто будильник размышляет вслух.

Марина посмотрела на неё так, что Лера почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — не механизм, а уверенность.

— Хорошо, — сказала Марина. — Делай. Но помни: мы не меняем будущее. Мы меняем отношение к нему.

Пока Лера аккуратно пропускала нить сквозь корпус будильника, стараясь не задеть пружину, дверь снова открылась. На этот раз без драмы, но с таким видом, будто за ней прячется что-то неприятное. Это был тот самый парень из «Громкой магии». На куртке теперь красовалась новая нашивка: «Специалист по кризисным ситуациям (с пиротехникой)».

— О, опять вы, — бодро сказал он, оглядывая сцену: Леру с ниткой, Марину с будильником, девушку, которая нервно теребила брелок в виде кота. — У вас тут, я смотрю, драма без спецэффектов. Хотите, я покажу, как это делается по-

настоящему? Один щелчок — и будильник замолкает навсегда. С гарантией и сертификатом.

Кот фыркнул так выразительно, что парень на секунду задумался, не адресован ли звук ему.

— Спасибо, — ровно сказала Марина. — Мы предпочитаем, чтобы вещи сохраняли свой голос. Просто делали это потише.

Парень пожал плечами, но в глазах мелькнуло что-то, чего Лера раньше не замечала, — не браваду, а будто тень сомнения.

— Знаете, у нас в агентстве тоже не все довольны тем, как мы работаем, — вдруг сказал он. — Шеф настаивает на «видимых результатах». Говорит, что если клиент не видит фейерверк, он не чувствует, что заплатил за магию. А я... я иногда думаю, что магия — она не для того, чтобы её показывали.

В комнате стало тише, чем было даже до прихода парня. Даже будильник на секунду замер, будто прислушивался.

Марина не стала ни спорить, ни соглашаться. Она просто кивнула.

— Бывает, — тихо сказала она. — Когда-то и я думала, что магия должна быть громкой. Что если никто не видит — значит, ты ничего не сделала.

Лера замерла с ниткой в пальцах.

— А что изменилось? — тихо спросила она.

Марина чуть улыбнулась, глядя не на неё, а куда-то в сто-

рону, будто видела не стены агентства, а другую комнату — давнюю, с пыльными полками и дрожащим светом керосиновой лампы.

— Однажды ко мне пришла женщина, — начала Марина. — Она не просила снять проклятие, не хотела чудес. Она просто сказала: «Мой сын перестал со мной разговаривать. Сделай так, чтобы он снова меня слышал». Я тогда думала, что нужна какая-то большая магия. Заклинание, ритуал, что-то яркое. А потом поняла: ему не нужно было чудо. Ему нужно было, чтобы кто-то тихо посидел рядом и не требовал ответов. И я просто... посидела. И однажды он сказал: «Мам, ты тут?» — и я ответила: «Тут». И этого хватило.

Она снова посмотрела на Леру, и в этом взгляде было что-то твёрдое и тёплое одновременно.

— Вот поэтому я люблю «тихо». Потому что самое важное часто не кричит.

Парень из «Громкой магии» стоял, опустив плечи, и будто впервые видел агентство не как конкурента, а как место, где делают что-то настоящее.

— А если... — начал он и запнулся. — Если у нас в агентстве что-то идёт не так? Не просто маркетинг, а... будто сама магия становится громче, чем должна? И от этого в районе начинают ломаться вещи? Вчера у одной клиентки чайник заговорил и начал цитировать гороскопы. Не в шутку. По-настоящему.

Марина нахмурилась.

— Громкая магия не просто заметна, — медленно сказала она. — Она нарушает баланс. Если магия всегда кричит, она перестаёт слышать тишину. А тишина — это тоже часть равновесия.

Лера наконец закрепила нить и осторожно закрыла корпус будильника. Тот звякнул, но теперь звук был не угрожающим, а почти извиняющимся.

И тут будильник тихо, без пафоса, произнёс:

— «Сегодня ты узнаешь, что не одна. И это будет самое хорошее пророчество».

Девушка, державшая пальто, вдруг улыбнулась — так, будто с плеч свалился тяжёлый рюкзак.

— Спасибо, — сказала она, прижимая будильник к себе, как будто он теперь был не врагом, а другом. — Пусть он шепчет. Мне хватит.

Когда она ушла, в комнате повисла другая тишина — та, в которой слышно, как крутятся шестерёнки мыслей.

— Значит, «Громкая магия» не просто шумит, — тихо сказала Марина, глядя на парня. — Они нарушают баланс. И если это продолжится, район начнёт реагировать. Вещи будут говорить громче, чем люди.

Парень кивнул, будто наконец-то нашёл слова, которые искал.

— Шеф говорит, что мы должны расти, — тихо сказал он. — Что тихая магия — это прошлый век. Но я видел, как после наших «эффектов» у людей пропадают воспоминания.

Как будто, когда магия кричит, она стирает шёпот.

Марина помолчала, потом подошла к стойке, достала чистый лист и начала писать.

— Принеси мне список всех заказов, которые вы сделали за последнюю неделю, — сказала она. — Имена, адреса, что делали. И скажи, если заметишь что-то странное: забытые вещи, повторяющиеся сны, голоса, которых раньше не было. Мы не можем позволить магии заглушить тишину.

Парень посмотрел на лист, потом на Марину, потом на кота, который теперь смотрел на него почти одобрительно.

— Ладно, — сказал он. — Я принесу. И... спасибо. За то, что не стали смеяться.

Когда дверь за ним закрылась, Лера повернулась к Марине.

— Ты думаешь, это серьёзно?

Марина сложила лист, убрала его в ящик и посмотрела на Леру так, будто впереди их ждёт не просто новый заказ, а целая история.

— Очень серьёзно, — сказала она. — Но знаешь, что самое важное? Мы не будем бороться с шумом при помощи ещё большего шума. Мы будем искать тишину. И тех, кто её бережёт.

Кот громко, но очень по-домашнему мяукнул, будто подводил итог: «И я тоже. Особенно если дадут рыбу».

Глава 4. Заказ 20: «Он просто очень ответственный»

Утро началось с того, что метла снова устроила самовольную уборку — на этот раз она аккуратно вымела из-под шкафа три старых чека, квитанцию за электричество и один подозрительно древний фантик, после чего встала на место с видом «я тут наводила порядок, не благодарите». Марина посмотрела на кучку мусора, вздохнула и сказала:

— Если она начнёт сортировать по датам, я её продам. Или подарю «Громкой магии». Пусть у них метла ведёт бухгалтерию.

Кот, который теперь официально числился «консультантом по подозрительным звукам», фыркнул, будто считал, что даже это было бы слишком щедро.

Лера раскладывала на столе листы, которые вчера принёс парень из «Громкой магии»: список заказов за последние две недели. На первый взгляд — обычные бытовые просьбы: «снять сглаз с роутера», «успокоить холодильник», «вернуть цвет выцветшей футболке». Но чем дольше Лера вглядывалась, тем больше странных совпадений находила.

— Смотри, — она ткнула пальцем в строчку. — Вот тут: «успокоить холодильник». А вот тут, через два адреса: «усилить морозилку, чтобы ничего не портилось». То есть один

и тот же дом, только разные квартиры, и заказы будто противоречат друг другу.

Марина склонилась над списком, прищурилась.

— Не случайность, — тихо сказала она. — Кто-то намеренно создаёт дисбаланс. То делает холоднее, то теплее, то громче, то тише. Как будто тренируется раскачивать равновесие района, чтобы потом ударить по-крупному.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился мужчина лет сорока, в пальто, с зонтом, который стоял рядом с ним, как верный страж, и категорически не собирался складываться.

— Он не хочет, — сразу сказал мужчина, будто оправдываясь. — Я пытался. Честно. Но он каждый раз расправляется обратно и смотрит на меня так, будто я предлагаю ему предать свои принципы.

Кот перевёл взгляд с зонта на мужчину, потом на Марину, будто спрашивал: «Мы это серьёзно разбираем?»

— И что он говорит? — спокойно спросила Марина.

— Ну, не словами, — смутился мужчина. — Но чувствуется. Он как будто думает: «А вдруг случится трагедия? Кто защитит людей от дождя, если я сложусь?»

Лера не выдержала и хихикнула, но тут же прикрыла рот рукой, когда мужчина посмотрел на неё с такой искренней надеждой, что стало ясно: для него это не смешно.

— Мы можем попробовать, — сказала Марина. — Но, возможно, проблема не в зонте, а в том, что он слишком се-

рьёзно относится к своей работе.

Пока Марина разговаривала с мужчиной, пытаясь выяснить, когда именно зонт «решил стать героем», Лера снова уткнулась в список. И вдруг наткнулась на фамилию, от которой у неё внутри всё сжалось.

Алексеева.

Она замерла, чувствуя, как пальцы сами сжимаются в кулак. Это была фамилия её тёти — той самой, у которой Лера жила в детстве, когда мама уезжала в командировки. Тётя была ведьмой, но не из тех, кто шепчет и плетет нити. Она любила эффектные решения: яркие вспышки, громкие слова, «чтобы все видели, что магия работает».

Тогда Лере было восемь, и её собственная магия была такой же — громкой. В тот день она хотела просто разогреть остывший чай. А вместо этого выбило пробки на три этажа, в кухне треснула плитка, а соседский кот начал мяукать басом целую неделю. Тётя тогда не ругала её — она только покачала головой и сказала:

— Видишь, Лерочка? Когда магия кричит, она не помогает. Она пугает.

А потом научила её первому тихому заклинанию — не для результата, а для успокоения: три вдоха, три слова, три пальца, прижатых к запястью. «Чтобы голос магии стал твоим шёпотом, а не громом».

Лера сглотнула, возвращаясь в настоящее. Теперь она поняла, почему ей так важно делать всё тихо: она до сих пор

боялась снова стать той самой девочкой, которая нечаянно ломает мир.

— Лера? — голос Марины прозвучал мягко, но настойчиво. — Ты в порядке?

Лера подняла глаза. Марина смотрела на неё не строго, а с тем самым пониманием, которое бывает, когда кто-то уже прошёл через похожую боль.

— Да, — тихо сказала Лера. — Просто... я вспомнила кое-что. Про то, как магия может быть слишком громкой.

Марина кивнула, будто и не ждала другого ответа.

— Иногда прошлое приходит не как упрёк, а как подсказка, — сказала она. — Оно напоминает, почему мы делаем то, что делаем.

Мужчина с зонтом неловко переминался с ноги на ногу.

— Может, я не вовремя... — начал он.

— Вовремя, — твёрдо сказала Марина. — Потому что именно такие истории помогают нам не забыть, ради чего мы здесь.

Она подошла к зонту, который стоял, гордо расправив купол, и присела рядом с ним на корточки.

— Ты очень стараешься, — тихо сказала она зонту, как будто он был живым. — Ты хочешь защитить всех от дождя. Это благородно. Но знаешь, иногда достаточно просто быть рядом. Не обязательно стоять на страже каждую секунду.

Зонт дрогнул, будто прислушивался.

— Давай так, — предложила Марина. — Мы сделаем те-

бе заклинание не на «вечную готовность», а на «разумную бдительность». Ты будешь раскрываться, когда действительно идёт дождь. А в остальное время — отдыхать. И никто не подумает, что ты сдался. Просто ты умеешь беречь силы.

Лера, глядя на это, вдруг почувствовала, как внутри становится спокойнее. Она достала тонкую нить — на этот раз светлосерого цвета, как дождевая тучка, — и аккуратно обвязала ею стержень зонта.

— Это не запрет, — прошептала она, вспоминая слова тёти. — Это обещание: ты можешь быть сильным, не будучи громким.

Зонт медленно, будто раздумывая, сложился. Не с щелчком, а с тихим, почти благодарным вздохом.

Мужчина выдохнул так, будто только что с его плеч сняли бетонную плиту.

— Спасибо, — сказал он, прижимая зонт к себе. — Он просто... очень ответственный.

Когда дверь за ним закрылась, в комнате стало чуть светлее, будто вместе с раскрытым зонтом ушла какая-то тяжёлая тень.

— Хороший заказ, — сказала Марина, выпрямляясь. — Напоминает, что не всё в этом районе сломано. Просто кому-то нужно помочь найти баланс между «я должен» и «я могу».

Лера снова посмотрела на список.

— Тут ещё одна фамилия, — тихо сказала она. — Дом,

где живёт пожилая женщина, у которой после их «усиления» пропали воспоминания о прошлой неделе. И адрес рядом — там у ребёнка начали сбываться все страхи, как будто кто-то специально сделал так, чтобы магия реагировала на самые тревожные мысли.

Марина нахмурилась, и в её взгляде появилась та самая твёрдость, которая говорила: шутки кончились.

— Значит, мы идём туда, — сказала она. — Не для того, чтобы устраивать скандал. А чтобы тихо вернуть то, что забрали. И понять, кто за этим стоит.

Кот прыгнул со шкафа, потянулся и пошёл к двери, будто заранее знал маршрут.

— И возьми с собой нитки, — добавила Марина, глядя на Леру. — Сегодня нам понадобится не сила. Нам понадобится тонкость.

Глава 5. Адреса, которые шепчут правду

В «Тихой помощи» стало непривычно тихо — даже метла, будто чувствуя серьёзность момента, замерла в углу, не решаясь устроить очередную самовольную уборку. Марина раскладывала на столе карту района, отмечая булавками адреса из списка «Громкой магии». Каждый значок был как маленькая тревожная точка.

— Смотри, — сказала она, проводя пальцем по линии между домами. — Они не работают хаотично. Тут есть ритм. Как будто кто-то специально создаёт перепады: холод — тепло, страх — надежда, тишина — крик. И каждый раз чуть сильнее, чем в прошлый. Это не просто плохая магия. Это тренировка.

Лера сжала в пальцах моток светлосерой нити — той самой, что использовала для зонта. Ей казалось, что, пока она держит её, мир не развалится на слишком громкие куски.

— А если это... — начала она и запнулась, потому что слова звучали слишком страшно, — если это подготовка к чему-то большому?

Марина подняла на неё взгляд, и в нём не было ни паники, ни бравады — только спокойная решимость.

— Именно поэтому мы не будем ждать, когда гром ударит,

— сказала она. — Мы пойдём по адресам и тихо соберём то, что рассыпалось. По одному кусочку.

Кот, который теперь носил невидимое звание «главного по атмосфере», подошёл к карте, понюхал булавки и сел рядом, будто подтверждая: «Маршрут утверждён».

Первый адрес был в старом доме с облупившейся лепниной. Дверь открыла пожилая женщина с усталыми глазами и руками, в которых дрожали ключи.

— Я не помню, зачем пришла сюда, — тихо сказала она, оглядываясь, будто надеялась увидеть подсказку в собственном коридоре. — Помню, что хотела что-то важное... а теперь даже не знаю, что.

Лера почувствовала, как внутри всё сжимается. Это было похоже на то, что случилось с тётей.

Когда Лере было десять, тётя решила «усилить» защиту дома, чтобы ни один сглаз не прошёл. Она зажгла свечи, произнесла заклинание, от которого стёкла в окнах звенели, а цветы в горшках на секунду стали яркосиними. А потом вдруг схватила за голову и сказала:

— Лерочка, я забыла, куда положила рецепт твоего любимого пирога. Тот, с вишней.

А потом: — И как тебя зовут... на секунду забыла.

Это длилось всего мгновение, но для Леры оно растянулось в вечность. Тётя смеялась, говорила: «Ну вот, магия такая шумная, что сама себя заглушает», но Лера видела в её глазах испуг. И тогда она поняла: когда магия кричит, она не

только пугает других — она стирает что-то внутри тебя.

Сейчас, глядя на эту женщину, Лера вспомнила тот страх и прошептала:

— Мы можем помочь. Не стереть, а вернуть. Тихо.

Марина достала маленькую баночку с порошком из сушёной лаванды и щепоткой соли — смесь, которая не ломала, а помогала памяти пробиться сквозь помехи. Она рассыпала её по порогу, тихо напевая что-то без слов, как будто звала воспоминания вернуться.

Женщина вдруг вздрогнула, будто из темноты вынырнул забытый образ.

— Ах, — выдохнула она. — Я же хотела спросить про кота. Он пропал вчера. Думала, может, тут кто видел...

Кот из «Тихой помощи», услышав про собрата, тут же навострил уши и будто сказал: «Я в деле. Пропавших котов я чувствую лучше любой магии».

— Найдём, — твёрдо сказала Марина. — Сначала вернём то, что забрали, а потом найдём.

Второй адрес оказался совсем другим. В маленькой квартире пахло корицей и беспокойством. На диване сидел мальчик лет семи и прижимал к себе плюшевого медведя так, будто тот был щитом.

— Он боится всего, — прошептала мама. — Раньше он любил грозу. Говорил, что это небо играет в барабаны. А теперь прячется под стол, когда капает дождь. И самое странное — всё, чего он боится, будто становится настоящим.

Вчера он испугался, что из шкафа вылезет тень. И тень... действительно показалась. На секунду.

Лера поняла: «Громкая магия» здесь работала как усилитель страхов. Чем сильнее ребёнок боялся, тем реальнее становился его страх.

— Это не его вина, — тихо сказала Марина, присаживаясь рядом с мальчиком. — Это магия, которая слишком громко слушает. Она не различает, где страх, а где правда.

Она достала тонкую нить цвета тёплого мёда — для спокойствия, для того, чтобы мир снова стал безопасным. Лера помогла ей сплести из неё простую петельку и повесить над дверью, чтобы она работала как фильтр: не убирала эмоции, а делала их тише.

Мальчик посмотрел на петельку, потом на Марину.

— Она не прогонит тень? — тихо спросил он.

— Нет, — спокойно ответила Марина. — Но она поможет тебе не бояться её. Потому что ты сильнее, чем твой страх. Просто иногда страх кричит громче.

Мальчик кивнул, будто ему очень нужно было услышать именно эти слова.

И тут, пока они собирали вещи, дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина с кошкой на руках. Кошка смотрела на всех с таким высокомерным видом, будто оценивала, достойны ли они её аудиенции.

— Простите, — быстро сказала женщина. — Я знаю, что у вас серьёзные дела, но она не даёт мне покоя. Говорит,

что отказывается быть просто домашней кошкой. Требуется лицензия на ночные полёты.

Кошка фыркнула, будто хотела добавить: «И не только полёты. Ещё патрулирование крыш и контроль за голубями».

Кот из агентства подошёл к ней, сел напротив и долго смотрел ей в глаза. Потом медленно моргнул. Кошка моргнула в ответ. И вдруг расслабилась, будто получила невидимое одобрение.

— Видишь? — сказала Марина, едва сдерживая улыбку. — Иногда достаточно, чтобы кто-то из своих признал твой статус.

— Но лицензия? — растерянно спросила хозяйка.

— Лицензия не нужна, — мягко сказала Марина. — Ей нужно не разрешение летать, а признание, что её ночные дела важны. Давай сделаем ей медальон. Не магический, а символический. Чтобы она знала: ты видишь, какая она особенная.

Пока Лера вырезала из кусочка дерева крошечный жетон и выцарапывала на нём узор, женщина тихо сказала:

— Я думала, что если она будет «обычной», мне будет спокойнее. А она просто хотела, чтобы её ночные приключения ценили.

Когда медальон повесили на шею кошки, та гордо выпрямила спину, потерлась о ногу хозяйки и, казалось, прошептала: «Теперь порядок. Но голуби всё равно под наблюдением».

Когда они вышли на улицу, сумерки уже накрывали район, и фонари зажигались один за другим, будто ставили точки в длинной цепочке событий.

— Знаешь, — тихо сказала Марина, пока они шли к следующему адресу, — иногда самое сильное волшебство — это просто сказать: «Я тебя вижу. И я знаю, что ты важен».

Лера вспомнила тётю. После того случая с защитой дома тётя стала тише. Она всё ещё делала магию, но теперь это были маленькие, почти незаметные вещи: щепотка соли под порог, тихий шёпот над чаем, узел из нитки на ручке шкафа. Однажды она сказала Лере:

— Громкая магия хочет, чтобы все смотрели на неё. А тихая магия хочет, чтобы всем было хорошо. И я выбираю второе.

Теперь Лера поняла, что это был не отказ от силы, а её переосмысление.

Следующий адрес на карте был самым странным: пустой дом, который числился как жилой, но в нём никто не жил уже много лет. И именно туда «Громкая магия» сделала заказ «на усиление энергетики».

— Зачем усиливать то, где никого нет? — пробормотала Лера.

— Вот именно, — сказала Марина. — Потому что это не для жильцов. Это для чего-то другого. Для чего-то, что должно прийти.

Кот шёл впереди, шерсть на его спине слегка встала ды-

бом — не от страха, а от сосредоточенности.

Они подошли к дому. Дверь была приоткрыта, и из темноты доносился едва уловимый гул — не громкий, но настойчивый, как будто здание само училось говорить.

— Стой, — вдруг сказала Марина, хватая Леру за руку. — Не заходи. Сначала нужно понять, что здесь происходит.

Из темноты вышел тот самый парень из «Громкой магии». На этот раз он не улыбался.

— Я знал, что вы придёте, — тихо сказал он. — Я оставил этот адрес в списке специально. Потому что понял: шеф не просто хочет быть заметным. Он хочет, чтобы магия стала такой громкой, чтобы тишина исчезла. Чтобы никто не мог шептать, думать, помнить. Только кричать и подчиняться.

Лера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И этот дом? — спросила Марина.

— Здесь будет центр, — сказал парень. — Отсюда он хочет запустить волну. Чтобы весь район перестал слышать шёпот и начал слышать только его голос.

В этот момент из дома вырвался низкий гул, и окна на секунду вспыхнули яркооранжевым светом.

— У нас мало времени, — сказала Марина, глядя на Леру. — Мы не можем бороться с этим шумом при помощи ещё большего шума. Но мы можем сделать так, чтобы тишина снова стала слышной.

Лера кивнула. Она больше не боялась быть тихой. Потому что теперь она знала: тишина — это не слабость. Это способ

защитить то, что важно.

— Что нужно делать? — спросила она.

Марина улыбнулась, но в этой улыбке не было лёгкости — только решимость.

— Нам понадобятся нитки, лаванда и немного смелости, — сказала она. — И ещё... тот самый тихий шёпот, который ты научилась слышать.

Кот сел у порога и посмотрел на них так, будто говорил: «Я останусь здесь. Буду следить, чтобы никто не подкрался сзади».

И они вошли в дом.

Глава 6. Битва за тишину

Дом будто дышал — не спокойно, а тяжело, с натужным гулом, который вибрировал в груди и заставлял зубы чуть позвякивать. В окнах мерцал не свет, а какой-то неестественный жар, будто за стёклами горели невидимые костры.

— Он накачивается, — тихо сказала Марина, не входя, а скорее «просачиваясь» внутрь, будто боялась спугнуть равновесие резким движением. — Как будто кто-то накачивает шар: ещё немного — и лопнет. И волна пойдёт по району.

Лера сжала в пальцах моток тонкой нити цвета старого льна — такой, какой тётя когда-то велела брать, «когда нужно не победить шум, а договориться с ним».

— А если мы не успеем? — прошептала она.

Марина посмотрела на неё спокойно, но в этом спокойствии была сталь.

— Мы успеем, — сказала она. — Потому что не будем кричать. Будем шептать. А тишина слышит шёпот лучше, чем любой грохот.

Они начали с порога. Марина рассыпала щепотку лаванды, смешанной с солью и крошкой сухого мха — не для заклинивания, а чтобы «заземлить» лишний шум, дать ему куда-то стечь, как воде в трещины. Лера тем временем плела из льняной нити крошечные петли и развешивала их на дверных ручках, оконных рамах, даже на старых крючках для

одежды — везде, где воздух будто застревал и начинал звенеть.

Каждая петля была не преградой, а приглашением: «Постой. Сбрось лишний звук. Пройди тише».

Гул нарастал. Из глубины дома вырвался низкий рокот, похожий на голос, которому давно не давали говорить и теперь он кричал за все эти годы молчания. Окна вспыхнули оранжевым, и по стеклу побежали трещины, будто кто-то царапал их изнутри.

— Это не дом говорит, — сказала Марина, прижимая ладонь к стене. — Это магия, которую в него вкачали, ищет выход. И если она вырвется волной, она сотрёт все тихие голоса в районе: воспоминания, сны, шёпоты. Всё, что делает людей живыми.

Лера вдруг вспомнила тот вечер у тёти, когда громкое заклинание заставило тётю забыть даже имя любимой кошки. Тётя тогда не стала злиться на магию. Она просто села на пол, закрыла глаза и тихо позвала: «Мурка... Мурка...» — и через минуту кошка пришла, потерлась о её колено, и память вернулась, как будто запах шерсти и тепло были сильнее любого заклинания.

И Лера поняла: тишина — это не отсутствие звука. Это присутствие чего-то важного.

Она подошла к самой большой трещине в стене и прошептала в неё, как в ухо:

— Тебе не нужно кричать, чтобы тебя услышали. Мы уже

слушаем. Просто говори тише. Мы здесь.

И вплела в трещину льняную нить, будто штопала не стену, а сам воздух.

Гул дрогнул. Он не исчез, но стал... менее уверенным, будто впервые задумался: «А правда ли мне нужно быть таким громким?»

В этот момент из темноты коридора вышел шеф «Громкой магии». Высокий, в чёрном плаще, который развевался даже там, где не было ветра. Но когда он подошёл ближе, Лера увидела не грозного злодея, а просто уставшего человека с тёмными кругами под глазами и взглядом, в котором было больше боли, чем власти.

— Вы не понимаете, — сказал он, и голос его звучал не как раскат грома, а как обычный, чуть хриплый голос. — Тишина... она жестока. Она забирает голоса. Когда я был маленьким, в нашем доме была такая тишина, что я боялся услышать собственный голос — казалось, он тут же исчезнет. А потом мама ушла. И тишина стала такой огромной, что в ней можно было утонуть. Я решил: пусть лучше будет шум. Пусть лучше всё гремит, искрит, сверкает — лишь бы не эта пустота.

Марина не стала спорить. Она просто достала из кармана маленький мешочек и высыпала на ладонь горстку сухих лепестков и соли.

— Тишина бывает разной, — тихо сказала она. — Бывает та, что стирает. А бывает та, что бережёт. Как тишина, когда

кто-то сидит рядом и не требует слов. Как тишина, в которой слышно, как бьётся сердце. Вы боролись не с тишиной. Вы боролись с одиночеством. И магия, которая кричит, не спасает от него. Она только делает эхо громче.

Шеф посмотрел на неё, будто впервые увидел не соперницу, а кого-то, кто действительно понимает.

— А что делать, если боишься, что, когда станет тихо, ты снова услышишь эту пустоту? — тихо спросил он.

— Тогда нужно, чтобы рядом был кто-то, кто скажет: «Я тут. И я слышу тебя», — ответила Марина. — И не обязательно громко.

Лера подошла к шефу и протянула ему моток льняной нити.

— Вот, — сказала она. — Она не глушит. Она помогает голосу не теряться. Можно повесить петельку у кровати, над столом — везде, где тишина кажется слишком большой. И тогда, если станет страшно, можно просто потрогать её и вспомнить: ты не один.

Шеф взял нить, повертел в пальцах, будто не знал, что с ней делать. Потом медленно кивнул.

— Я... я не хотел стирать чужие голоса, — тихо сказал он. — Я просто хотел, чтобы мой был слышен.

— Теперь он слышен, — спокойно сказала Марина. — Но давайте сделаем так, чтобы он не заглушал других.

Гул в доме начал стихать, как будто сам выдохнул после долгого крика. Трещины на окнах потемнели и перестали

расти. Воздух стал легче, будто сбросил тяжёлую шубу.

Кот, который всё это время сидел у порога и следил, чтобы никто не подкрался сзади, теперь встал, потянулся и громко, по-хозяйски мяукнул — не от тревоги, а от удовлетворения: «Порядок. Можно идти пить молоко».

Когда они вышли на улицу, сумерки уже сменились мягкой ночью, и фонари горели спокойно, без нервного мигания. Район будто вздохнул и снова стал собой: немного странным, немного шумным, но живым и настоящим.

На следующее утро в «Тихую помощь» пришёл администратор сушибара. Он стоял, теребя край фартука, и выглядел так, будто ему самому неловко от собственной просьбы.

— Понимаете, — начал он, понизив голос, будто боялся, что его услышат за соседними столиками, — у нас тут... проблема. Ролл «Калифорния с майонезом» стал вести себя странно.

Лера и Марина переглянулись.

— Вести себя? — осторожно уточнила Марина.

— Ну, — администратор замялся, — он как будто... обижается. Когда гости заказывают что-то другое, он чуть оседает. А когда его берут, смотрит на тарелку так, будто хочет сказать: «Наконец-то ты понял, что я — лучший». И я боюсь, что если это продолжится, он начнёт устраивать сцены.

Кот фыркнул, будто хотел сказать: «Ну вот, опять. Сначала люстры поют, теперь роллы обижаются».

Марина вздохнула, но в глазах у неё плясали искорки сме-

ха.

— Ладно, — сказала она. — Давайте сделаем так, чтобы он чувствовал себя уважаемым, но не драматизировал.

Лера достала кусочек льняной нити и аккуратно обвязала им подставку, на которой стояли роллы.

— Это не для него одного, — пояснила она администратору. — Это чтобы весь прилавок помнил: каждый ролл важен. Но не обязан, быть звездой.

Администратор посмотрел на подставку, потом на Леру, потом на Марину.

— Знаете, — сказал он, — я думал, что магия — это когда фейерверки и молнии. А оказывается, она ещё и вот так бывает.

— Именно так она и бывает чаще всего, — мягко сказала Марина. — В маленьких вещах. В том, чтобы кто-то почувствовал: его заметили. И не стали за это требовать оваций.

Когда он ушёл, кот подошёл к подставке, понюхал нить и одобрительно кивнул: мол, «теперь тут будет порядок. И, возможно, мне дадут кусочек лосося в знак благодарности».

Лера посмотрела на Марину и вдруг улыбнулась — впервые за эти дни по-настоящему, без напряжения.

— Знаешь, — сказала она, — я теперь понимаю, почему тётя, в конце концов, выбрала тихий путь. Не потому что боялась силы. А потому что поняла: самая сильная магия — та, которая помогает людям не бояться собственной тишины.

Марина улыбнулась в ответ.

— И именно поэтому мы будем продолжать.

Глава 7. Заказ 21: «Пианино помнит, но не умеет»

Утро в «Тихой помощи» началось с запаха кофе — не из сглаженной кофемашины (та после Лериного вмешательства работала как часы, хоть и иногда тихонько вздыхала, будто скучала по фиолетовому пару), а из суши-бара по соседству. Там администратор, вдохновлённый Лериным «амулетом уважения», решил, что если роллы могут чувствовать, то и кофе должен быть «справедливым». Теперь на его вывеске красовалась надпись: «Утренний кофе — для тех, кто не боится быть честным с собой».

Марина стояла у окна, держа в руках чашку, пар из которой был обычного белого цвета, без единого намёка на магию.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — когда пар перестаёт быть цветным, это хороший знак. Значит, район выдыхается. Возвращается к норме.

Лера сидела за столом и перебирала нитки в шкатулке, проверяя, не потускнели ли они за ночь. Тёплый бежевый, спокойный серый, глубокий синий — все на месте. Она провела пальцем по синему мотку и вдруг почувствовала, как тот едва заметно завибрировал, будто откликнулся.

— Марина, — тихо спросила она, — а бывает, что нитки

сами подсказывают, какой нужен?

Марина обернулась, и в её взгляде мелькнуло что-то тёплое, будто она давно ждала этого вопроса.

— Бывает, — сказала она. — Они чувствуют, когда рядом кто-то, кому нужен именно этот цвет. Не потому что ты выбираешь, а потому что нитка выбирает тебя.

Кот, дремавший на шкафу, приоткрыл один глаз, будто проверял, не нужно ли ему вмешаться, и снова задремал — видимо, счёл, что ситуация под контролем.

В этот момент дверь открылась. Но не с привычным драматическим распахиванием, а тихо, осторожно, будто человек за ней боялся побеспокоить. На пороге стоял шеф «Громкой магии». Без чёрного плаща, без развевающихся пол — просто в свитере цвета мокрого песка и с таким видом, будто пришёл не как клиент и не как конкурент, а как кто-то, кто наконец-то решился на разговор.

— Доброе утро, — сказал он и тут же добавил: — Я не по заказу. Я... хотел бы помочь. Если вы позволите.

Марина не удивилась. Она просто кивнула, будто ждала именно этого.

— У тебя имя есть? — спросила она. — А то «шеф Громкой магии» звучит как должность, а не как человек.

Он чуть помедлил, будто заново привыкая к тому, что его можно называть по имени, а не по функции.

— Олег, — сказал он. — Меня зовут Олег.

— Ну вот, Олег, — сказала Марина, — садись. Чай?

Олег неловко сел на стул, который слегка скрипнул — не магически, а просто потому что был старый. Кот приоткрыл второй глаз и теперь смотрел на него без скепсиса, но с осторожностью, как смотрят на человека, который может быть другом, но пока не доказал этого до конца.

— Я всю ночь думал, — начал Олег, теребя рукав свитера. — О том, что вы сказали. Про тишину, которая бережёт. И... мне кажется, я понимаю, но не умею. Я умею только громко. Раньше думал, что это сила. Теперь понимаю — что это страх.

Лера посмотрела на него и вдруг увидела в его лице того самого мальчика, который боялся тишины в пустом доме. И ей стало его жалко — не той жалостью, от которой хочется отвернуться, а той, от которой хочется помочь.

— Умеешь — не умеешь, — спокойно сказала Марина. — Это не важно. Важно, что ты пришёл.

Через полчаса в дверь постучали — на этот раз уверенно, но без агрессии. На пороге стояла женщина лет шестидесяти, в платке с узором, который Лера определила как «тот самый, который бабушки носят, когда идут за хлебом, но в нём есть что-то от королевы». Она держала в руках фотографию — старую, с потёртыми углами.

— Здравствуйте, — сказала женщина, и голос у неё был ровный, но в нём дрожала нотка, которую Лера узнала сразу: так звучат люди, которые давно держат что-то внутри и наконец, решили выпустить. — Мне не нужно ничего чинить.

Мне нужно... чтобы кое-что вспомнили.

Марина подвинула ей стул.

— Садитесь. Расскажите.

Женщина села, положила фотографию на стол и аккуратно разгладила её пальцами, будто та могла помяться ещё сильнее.

— Это мой муж, — сказала она. — Его звали Виталий. Он играл на пианино. Не профессионально, просто для себя. Каждый вечер — колыбельные. Когда дети были маленькие, он играл им. Когда выросли — играл мне. Говорил, что пока звучит музыка, мы не одни. А потом он... ушёл. Три года назад. И пианино замолчало.

Лера почувствовала, как горло сжалось. Она знала этот тип тишины — не той, что бережёт, а той, что заполняет пустоту, когда кто-то исчезает.

— Я не трогала его, — продолжила женщина. — Пианино, я имею в виду. Просто не могла. А вчера решилась открыть крышку — и услышала, что оно... гудит. Не играет. Просто гудит. Как будто хочет что-то сказать, но забыло слова.

Марина посмотрела на Леру, потом на Олега.

— Вот, — тихо сказала она. — Первый заказ для новой команды. Пианино, которое помнит, но не умеет.

Олег вздрогнул, будто не ожидал, что его впишут так сразу.

— Я... я не знаю, как делать тихо, — признался он. — Я умею заставить звук вернуться силой. Но вы сказали, что

это стирает.

— Именно, — кивнула Марина. — Поэтому мы не будем заставлять. Мы будем просить.

Женщина посмотрела на них всех, и в её глазах, усталых и тёмных, вдруг мелькнула искра — не надежды, а чего-то более хрупкого: готовности попробовать.

Пианино стояло в небольшой квартире на втором этаже, в комнате, где пахло старым деревом, лавровым листом и чем-то неуловимо тёплым — может быть, памятью о тех вечерах, когда чьи-то пальцы касались клавиш, а кто-то слушал, закрыв глаза.

Олег остановился у порога и долго не входил. Лера видела, как он сжимает и разжимает кулаки, будто боролся с привычкой — сделать всё ярко, громко, заметно.

— Я могу просто... усилить звук, — тихо сказал он. — Заставить его играть. Как раньше.

— Нет, — мягко, но твёрдо сказала Марина. — Тогда это будет не его музыка, а твоя. А нам нужно, чтобы оно вспомнило само.

— Но как? — Олег растерянно посмотрел на неё. — Я не умею «просить». Я умею «делать».

Лера подошла к пианино, положила ладонь на крышку и закрыла глаза. Под пальцами чувствовалась едва уловимая вибрация — не звук, а скорее напряжение, как у человека, который хочет заговорить, но боится, что слова выйдут не теми.

— Оно не забыло музыку, — тихо сказала она. — Оно забыло, для кого играет. Ему нужен слушатель.

Женщина, стоявшая в дверях, тихо всхлипнула.

— Я... я не могу слушать. Каждый раз, когда слышу музыку, мне кажется, что он рядом. И потом понимаю — нет. И это хуже, чем тишина.

Лера повернулась к ней, и внутри что-то дрогнуло — не от жалости, а от узнавания. Она вспомнила, как тётя, после того случая с громким заклинанием, сидела на полу и звала кошку по имени — не потому что верила, что это сработает, а потому что не могла не звать. Потому что иногда единственное, что остаётся — это звать, даже если боишься, что не ответят.

— Можно не слушать, — мягко сказала Лера. — Можно просто быть рядом. Пианино не требует, чтобы вы слушали. Оно хочет, чтобы вы были в комнате. Как раньше.

Женщина кивнула, села в кресло у окна — то самое, в котором, судя по вмятине на подушке, кто-то сидел каждый вечер — и закрыла глаза.

Марина достала из сумки моток тёплого бежевого цвета — цвета утреннего света, цвета неяркогo тепла — и протянула его Олегу.

— Вот, — сказала она. — Это нить для памяти. Не для того, чтобы вернуть звук, а чтобы напомнить ему, зачем он звучал. Обвяжи вокруг молоточка — того, что ударяет по струне. Только не резко. Как будто перевязываешь кому-то

руку — бережно.

Олег взял нить, и Лера увидела, как его пальцы, привыкшие к мощным жестам и широким движениям, вдруг замерли, будто впервые в жизни делали что-то маленькое. Он подошёл к пианино, осторожно открыл крышку, и внутренности инструмента обнажились: струны, молоточки, педали — всё покрытое тонким слоем пыли и времени.

— Я не знаю, какой молоточек, — прошептал он.

— Тот, что отвечает за ноту «до», — тихо сказала Марина. — Первая нота колыбельной — обычно «до». Она самая простая. Самая честная.

Олег нашёл нужный молоточек и медленно, будто боялся повредить, обвил его бежевой нитью. Нить не светилась, не искрила, не делала ничего эффектного — просто легла, как тёплый шарф на плечи.

И вдруг пианино издало звук. Не гул, не рёв, не взрыв — просто тихую, чуть неуверенную ноту «до». Она прозвучала и повисла в воздухе, как вопрос: «Тут?»

Женщина в кресле открыла глаза. По щеке медленно катилась слеза, но лицо не было печальным — оно было живым.

— Он... всегда начинал с этой ноты, — прошептала она. — Говорил, что «до» — это как «здравствуйте». Сначала нужно поздороваться, а потом уже играть.

Пианино, будто услышав, издало ещё одну ноту — «ре». Потом «ми». Не мелодия, а скорее попытка вспомнить, как

идут пальцы, когда знаешь путь наизусть, но давно не ходил.

Олег стоял над инструментом и смотрел на свои руки, будто не верил, что можно сделать что-то настолько тихое и настолько живое одновременно.

— Я... я ничего не сделал, — растерянно сказал он. — Я просто повязал нитку.

— Именно, — мягко сказала Марина. — Ты не заставил. Ты позволил. В этом разница.

Лера добавила свою нить — серую, цвета дождевой тучки, — обвив ею соседний молоточек, и пианино ответило ещё одной нотой, чуть увереннее. А потом ещё одной. И ещё.

Мелодия была простой, почти детской: колыбельная, которую играют не для зала, а для одного человека, который лежит в кровати и ещё не спит. Та, что звучит, когда в комнате горит только торшер и кто-то сидит рядом, и не нужно слов, потому что музыка говорит всё.

Женщина закрыла глаза и начала тихо, едва слышно напевать. Голос её был слабым, чуть хриплым — но пианино, будто услышав, подстроилось под него, стало играть мягче, тише, ближе.

Лера почувствовала, как по её собственной щеке катится что-то тёплое. Она не вытирала — не хотела нарушать момент. Просто стояла и слушала, как музыка возвращается туда, где ей место: не на сцену, а в комнату, где кто-то ждёт.

Когда последняя нота растаяла, в комнате повисла не тишина и не шум — а то самое «между», в котором живёт па-

мать. Не пустота, а присутствие.

Олег отошёл от пианино, сел на пол — прямо на пол, не на стул — и долго молчал. Потом сказал, глядя на свои руки:

— Я десять лет делал магию, которая заставляла вещи звучать. Но это... это первый раз, когда я слышу, как что-то звучит, потому что хочет.

Марина присела рядом с ним, не близко, но достаточно, чтобы он чувствовал: он не один.

— Вот этому мы и учимся, — сказала она. — Не управлять, а слушать.

Женщина открыла глаза, посмотрела на всех троих и тихо сказала:

— Спасибо. Не за то, что вернули музыку. А за то, что не украли тишину, в которой она жила.

Когда они вернулись в агентство, было уже далеко за полдень. Лера чувствовала себя так, будто внутри неё перенастроили все струны: не больно, но чувствительно, и каждый звук теперь отзывался чуть ярче, чем раньше.

Олег, который шёл молча всю дорогу, остановился у порога «Тихой помощи» и сказал:

— Я хочу научиться. Не вашим методом — а... этому. Тихому. Но мне нужно время.

— Время у нас есть, — сказала Марина. — Район большой, заказов много, а рук мало.

Кот, который до этого сидел на шкафу с видом «я так и знал, что к этому придёт», спрыгнул, подошёл к Олегу, по-

нюхал его ботинок и сел рядом, будто ставил визу: «Допущен. На испытательный срок».

Дверь снова открылась — и в этот раз на пороге стоял мужчина в очках, с растрёпанными волосами и таким видом, будто он только что потерял спор с мебелью.

— Это вы? — спросил он, оглядывая помещение. — Вы те, кто помогает, когда вещи ведут себя странно?

— Смотря что ведёт, — осторожно сказала Марина.

— Книги, — выдохнул мужчина, и в этом слове было столько отчаяния, сколько обычно вкладывают в фразу «они нападают». — У меня в библиотеке книги сами меняются местами. И спорят.

Лера моргнула.

— Спорят?

— Да. Вчера «Война и мир» снялся с полки, подошёл к «Анне Карениной» и сказал — я сам слышал, страницы шуршали так, что можно разобрать — «Я длиннее, и мои страдания глубже». А она ответила: «Ты длиннее, потому что тебя никто не дочитывает. А меня плачут на первой странице». И они поменялись местами. Причём «Анна» теперь стоит первой, а «Война и мир» — рядом, но как бы неохотно.

Кот медленно повернул голову к библиотекарю и посмотрел на него с выражением: «Вы серьёзно? Нет, серьёзно?»

— А ещё, — продолжил библиотекарь, набирая скорость, будто жалоба требовала срочности, — «Капитанская дочка» начала спорить с «Собачьим сердцем» о том, кто честнее по-

казывает человеческую природу. И «Собачье сердце» встало ближе к входу, чтобы «первым встречать читателей и формировать мнение». А «Капитанская дочка» обиделась и ушла на самую нижнюю полку, потому что «если меня не ценят, я буду хотя бы недоступна».

Олег, который до этого стоял молча и привыкал к новому статусу, вдруг тихо, но отчётливо фыркнул. Потом посмотрел на Марину, будто проверял: можно ли смеяться?

Марина не смеялась. Но уголки её губ дрогнули, и Лера поняла: наставница изо всех сил сдерживается.

— Ладно, — сказала Марина, взяв блокнот. — Значит, книги спорят. А вы чего хотите?

Библиотекарь замер, будто этот вопрос, застал его врасплох.

— Я... хочу, чтобы они стояли по алфавиту. Как раньше. Чтобы люди могли найти то, что нужно, а не то, что книга считает нужным предложить.

— А они не могут? — мягко спросила Лера. — Может, им просто нужно, чтобы кто-то сказал, что все они важны. И не нужно соревноваться.

Библиотекарь посмотрел на неё поверх очков, и в его взгляде вдруг мелькнуло что-то, похожее на узнавание.

— Знаете, — медленно сказал он, — я тридцать лет расставлял книги по алфавиту. И ни разу не спросил, хотят ли они так стоять. Может, они всегда хотели спорить, а я просто не слышал.

В комнате повисла пауза. Кот зевнул, будто подводил черту: «Философия окончена. Переходим к практике».

— Давайте сделаем так, — предложила Марина. — Мы пойдём к вам, и не будем заставлять их молчать. Мы расставим их так, чтобы каждый чувствовал себя на своём месте. Может, не по алфавиту, а по... настроению. «Война и мир» — там, где тяжело и большое. «Анна Каренина» — там, где больно и честно. «Капитанская дочка» — там, где тепло и верно. А «Собачье сердце» — у входа, потому что оно действительно первым встречает читателей, и это не претензия, а призвание.

Библиотекарь стоял, открыв и закрыв рот, как рыба, которая только что обнаружила, что вода, в которой она плавала всю жизнь, была не просто водой, а целым миром.

— Это... это очень мудро, — наконец сказал он. — Но мне нужно будет менять каталог.

— Меняйте, — сказала Марина. — Каталог — это ваша магия. А наша — помочь книгам перестать ссориться.

Лера посмотрела на Олега, который стоял у стены и слушал с таким выражением, будто перед ним разворачивалась картина, которую он раньше видел только чёрно-белой, а теперь кто-то осторожно добавил краски.

— Ты как? — тихо спросила она.

Олег посмотрел на неё, и впервые за всё время, что Лера его знала, в его лице не было ни напряжения, ни бравады — только тихое, почти детское любопытство.

— Я как тот библиотекарь, — признался он. — Тридцать лет расставлял магию по алфавиту. А она, оказывается, хочет по настроению.

Марина взяла свитер, блокнот и кота (не на руки, а взглядом — мол, «идём»). Кот спрыгнул со шкафа, потянулся и пошёл к двери первым, потому что, очевидно, в этой команде он был не консультантом, а штурманом.

— Ну что, — сказала Марина, открывая дверь, — идём разбираться с книгами, которые считают себя интереснее других. И с пианино, которое учится вспоминать. И с районом, который учится быть тихим. И с собой, потому что это, оказывается, самое сложное.

Лера улыбнулась, Олег кивнул, кот мурлыкнул, и они вышли в осенний день, где фонари ещё не горели, но воздух уже пах тем самым «между» — не тишиной и не шумом, а чем-то живым и тёплым.

Глава 8. Заказ 22: «Та, что молчала»

Библиотека располагалась в старом двухэтажном доме с облупившейся вывеской «Городская библиотека 7», где «семёрка» давно отошла и теперь больше напоминала единицу с хвостиком. Внутри пахло так, как пахнут только библиотеки: бумагой, временем и тем особым, ни на что не похожим спокойствием, которое бывает там, где тысячи голосов живут рядом, не перебивая друг друга.

По крайней мере, не перебивали — до недавнего времени.

Когда Лера, Марина, Олег и кот переступили порог, первое, что они слышали, был шорох. Не один, а десятки — страниц, обложек, корешков, которые терлись друг о друга, шуршали, поскрипывали и вообще вели себя так, будто в библиотеке происходил многоголосый спор, в котором каждый участник считал себя правым, а соперников — безнадёжно неправыми.

— Это началось три дня назад, — шёпотом сказал библиотекарь, которого звали Аркадий Петрович. Он шёл на цыпочках, будто в библиотеке был спящий ребёнок, хотя на самом деле спать тут было некому — все книги бодрствовали и активно высказывались. — Сначала тихо. «Война и мир» подвинул «Анну Каренину» на полку влево. Она вернулась. Он

подвинул снова. Она сказала — да, именно сказала, я слышал, шуршание было вполне членораздельное — «Не дави». А он ответил: «Я не давлю, я расширяюсь. Это разные вещи».

Кот прошёл между стеллажами, вдыхая книжный воздух с видом специалиста, который проводит инвентаризацию. Его хвост слегка дёргался — верный признак того, что магия тут не просто есть, а спорит сама с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.